

ПОЧВА

19 января 2019

ПЕРВАЯ КАПЛЯ ДОЖДЯ

В тот миг, когда первые капли дождя ударяют в сухую поверхность земли и начинается увлажнение, активность микроорганизмов в почве выходит на максимум. Увидев воду, они просыпаются — и этот волшебный запах — это запах выделяемых ими ферментов. Геосмин. Петрикор. То, что мы называем запахом почвы — на самом деле крик радости миллиардов живых существ.

«Как вы относитесь к земле — так и она относится к вам, друзья. Когда вы относитесь к ней негативно, пусть и неосознанно, она не даёт вам плодов, отвечает негативно.»

Почва — не безжизненный субстрат, а живая система, организм с памятью. В каждом грамме она содержит миллиарды микроорганизмов, и эти существа гораздо древнее, гораздо более стойкие, чем люди. Коммерческие азотные удобрения производят оксиды азота — парниковый газ, в 300 раз более мощный, чем углекислый. Повторяющееся применение химических удобрений накапливает солевые соединения, снижает водоудерживающую способность почвы. Чрезмерный полив растворяет питательные вещества почвы, ведёт к засолению — именно это происходит в районе GAP. Почва возвращает то, что с ней сделали: при уходе она дарит щедрость, при пренебрежении становится бесплодной. Это не метафора, а биохимическая истина. Отношение человек-почва — микрокосм всех экологических отношений.

Голос, более 15 лет работающий председателем стамбульского отделения палаты сельскохозяйственных инженеров, рассказывает свой путь — от обычной гражданки до представителя профсоюза, руководства профсоюза, координатора платформы. На этот путь его вывело знание того, как манипулируют наукой — увидев, как некоторые факты оставляют на полях, а самые мелкие вещи раздувают и блестят. Платформа против ГМО — борьба, идущая с 2004 года, — воинственное сопротивление контролю компаний над семенами. Платформа против коммерциализации воды была создана после Всемирного водного форума 2009 года, но из-за того, что в ней сошлись организации с разными источниками финансирования и разными мотивациями, хрупкость стала неизбежной. Организация земледельцев — предпосылка сельскохозяйственного освобождения в Турции — но кооперация должна обращаться к структурному неравенству, а не превращаться в институциональный фронт.

Цифры горьки: за последние 15–16 лет турецкие земледельцы оставили 32 миллиона гектаров сельхозугодий — площадь больше Бельгии. Это не только потеря земли; каждое оставленное поле уносит с собой и знание, накопленное поколениями. Между тем в Турции есть 40 миллионов гектаров орошаемых дождём (NADA) пахотных земель — размером с Голландию, несущие потенциал продовольственной безопасности, но не используемые. Цены на сельхозпродукцию определяются на глобальных товарных рынках: китайский хлопок одолевает турецкий, ферма становится убыточной, молодёжь отвергает село — и из экономической вынужденности, и из культурного сдвига. «Революция» химического земледелия 1960-х обещала рост урожайности — земледельцы стали зависимыми от расходов, которых не могут себе позволить, деградация почвы углубила эту зависимость.

Активистам приходится выбирать, с чем воевать — энергия, вода, семя. Распыляться повсюду — путь к платформенной усталости и обвалу — когда меняются политические условия, этот обвал ускоряется. Долгосрочная организация требует эмоциональной выносливости и материальной обеспеченности; без них даже самые добрые намерения тают.

БЕЗ ТРУДА НЕТ ЭКОЛОГИИ

Исследования экологического земледелия изучают производство, но игнорируют условия труда. Когда органическое, устойчивое производство приобретает смысл в одном регионе, а эксплуатация работников растёт — эта устойчивость пуста, даже обманчива. Воздействие пестицидов прямо влияет на здоровье работников, но самую тяжёлую часть этого воздействия несут самые малообеспеченные, наименее защищённые. Трудовая справедливость — экологическая тема, и экология не завершена без трудовой справедливости.

«Почему сезонные сельхозработники — из Джизре, Ширнака? Почему именно оттуда?

Политико-экономическая география определяет, где появятся и станут видимыми экологические проблемы.»

Социолог, родившаяся в Стамбуле (2006, социология Стамбульского университета), магистратура в Институте Ататюрка Босфорского, с 2009 по 2015 годы проводившая обширную полевую работу в Адане, Мерсине, Манисе, Бурсе, Джизре — сейчас совместный докторат в Босфорском и Paris 8 — работает над сельским преобразованием и трудом мигрантов. Методологическая рефлексивность: политико-экономическая география определяет, где возникнут и станут видимы экологические проблемы. С 1990-х сельское преобразование произошло в трёх плоскостях: изменились профили сезонных сельхозработников — от мелких земледельцев, дополняющих доход, к полностью безземельным, полностью незащищённым работникам; преобразовались и производители — в новых условиях они уже не могут производить как прежде; сместилась пространственная география — труд перемещён в другие регионы, в другие условия.

В сельскохозяйственном труде есть этническая иерархия: турецкие рабочие получают самую высокую плату, курдские рабочие — среднюю, часть из них — из-за безземелья, вызванного принудительной миграцией 1990-х; сирийские беженцы получают самую низкую плату, иногда работают без оплаты. Это не случайно, а структурно — продукт политики турецкого государства (ассимиляция, конфискация земли) и глобальных кризисов беженцев.

В QGIS сделана геопространственная карта моделей труда и потоков миграции. Возникает понятие «сельского гетто» — постоянные палаточные поселения сирийского и перемещённого курдского населения в Адане-Мерсине. Это не временные сезонные лагеря; они создают зажатые сообщества без выхода, людей, живущих там круглый год. Сеть коммуникаций сезонной трудовой миграции собирается с 2010 года дважды в год — исследователи из разных дисциплин, активисты, работники гражданского общества. Сеть сельских исследований и сети миграции (Институт анатолийских исследований) только что созданы.

Детский труд, гендерный разрыв в оплате, обездоленность — хрупкость, рождённая безземельем — это реальности, игнорируемые исследованиями экологического земледелия. Экологию нельзя понять без труда, труд — без экологии — это не отдельные борьбы.

Вопрос открыт: как нам понимать экологию, не понимая труда?

ОТНОШЕНИЯ ДОВЕРИЯ

Учительница музыки, отказавшаяся от занятости в государственном и частном секторе, сформировавшая экологическое сознание через движение сопротивления ГЭС и опыт долины Алакыр — путь, эволюционировавший от курса пермакультуры до работы продовольственного сообщества.

Кооператив Кадыкёй: выстраивает прямое отношение производитель-потребитель. Учитывается не только экологическая устойчивость, но и справедливость отношений — условия труда, занятость мигрантов, гендерная динамика в сельскохозяйственных домохозяйствах регулярно отслеживаются и оцениваются. Ekorita: интерактивная экологическая карта, объединяющая экологические пространства, форумы, новости, предложения — ответ на раздробленность знания. Платформа «Ноль отходов»: пройти за пределы

переработки — отказ от отходов в самом источнике производства — преобразование потребления, а не только управление отходами.

«Намерения много, но в части активной деятельности мы сейчас немного в стагнации.»

Продовольственные сообщества и кооперативы работают через горизонтальную организацию — принятие решений на основе консенсуса, без иерархии, равное участие, прозрачность. Ежемесячная физическая встреча (магазин в Кадыкёй) создаёт солидарность, снижает углеродный след, выстраивает отношения доверия. Малые, распределённые сети устойчивее и политически осмысленнее, чем централизованные НКО. Отношение доверия — не контракт, а отношение лицом к лицу — основа альтернативной экономики.

Но выгорание добровольцев реально. Масштабировать принципы без компромисса трудно. Проект Ekorita сейчас в стагнации из-за ограничений ресурсов. Намерения много, устойчивого действия мало — это не только индивидуальная, а структурная проблема. Устойчивость, опирающаяся на добровольцев — структурная слабость: люди выгорают, проекты останавливаются, начинать заново всё труднее. Без материальных условий — времени, пространства, гарантии дохода — идеал горизонтальной организации висит в воздухе.

Этот путь — от учительства музыки к пермакультуре, от сопротивления ГЭС к продовольственному кооперативу — история того, как индивидуальное преобразование эволюционирует в общественную организацию. Встречаться раз в месяц в магазине в Кадыкёй — такое простое действие несёт такой глубокий смысл.

ВЕЛИЧАЙШИЕ МИКРОБЫ

Родившийся в Орду — выросший внутри экологического богатства Чёрного моря — переехать ради университета в Анкару стало опытом перемещения. Этот опыт — начало практики искусства земли. В 2014-м магистерское исследование искусства земли в Турции, образование в научной иллюстрации, докторат по диалогу тело-природа.

Инициатива современного искусства Pelisiyar (2013): вмешательство в заброшенные и экологически преобразованные исторические пространства — само пространство становится материалом и сообщением. «Величайшие микробы» — продолжающийся проект перформанса/уличного искусства. Вдохновлён метафорой одного китайского писателя: если бы у микробов были руки и баллончики, они везде писали бы «Величайшие микробы». В Париже в более чем 350 точках, распространяясь в Стамбул, Анкару, Конью. Микробы — окончательные выжившие — даже после ядерного разрушения они продолжают жить. Мы — преходящие, они — постоянные.

«Даже если человечество исчезнет на этой планете, на которой мы живём, они будут продолжать жить.»

Эволюция, ведущая от разделения природы и искусства, к пониманию того, что история искусства включает земельное искусство (с 1960-х), к углублению флоры Турции через научную иллюстрацию, к превращению перформанса в телесную экологию. Тело — не наблюдатель, стоящий вне ландшафта, а его биологическая часть. Большинство художников, занимающихся экологией, не чувствует природные процессы глубоко — нужно подходить с восприятием земледельца: постоянное наблюдение, внимательный анализ, глубокая эмоциональная связь.

Проект D8M: сотрудничество с операторами бульдозеров в Стамбуле по экологической реставрации — превратить разрушительную силу машины в восстанавливающую. В Париже — исследование сада и культуры ландшафта, академическое преподавание (в Конье, далеко от Анкары). Двигаться — переход от активизма, основанного на надежде, к активизму, основанному на движении.

Не на надежде, а на действии. Движения — не единичные, а множественные, не прямолинейные, а динамичные, не линейные — продолжают. Люди говорят о космической колонизации, о земледелии на

Марсе — но даже если человечество исчезнет на этой планете, микробы будут продолжать жить. Антропоэктенсионализм может быть величайшим препятствием экологического мышления.

РЫНКИ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Дизайнер, выпускник архитектуры Йылдыза, магистратура по цифровой тектонике (Барселона IaaC), преподающий в университете Билги, исследующий цифровые методы производства в Стамбульском техническом, — исследователь дизайна, сосредоточенный на ремесле, инструменте, обучении через делание. В рамках исследования 4-й биеннале дизайна были изучены сельскохозяйственные рынки бассейна Мендереса (Одемиш, Тире, Назилли, Караджасу) — вместе с Гёхер Гюрджан Тан (архитектор, исследователь рынка) и Тангёром Тан (агроинженер, гастроном). Сети производство-потребление формируют городско-сельские отношения — понять эти сети — значит понять продовольственную систему.

В полевой работе 2017–2018 картированы: сезонные изменения и социальная функция рынков производителей, цепочки поставок, эстетика рыночного прилавка — как цветные тенты и покрывала указывают тип продукта, профили производителей, межпоколенческое знание, инфраструктура, маржа прибыли.

В Тире — тётя Вильдан: 40-часовой цикл труда — подготовка сада, развёртывание рынка, продажа — за минимальную маржу прибыли. Эти 40 часов раскрывают скрытый труд за дискурсом «местной еды». Насколько глубоко наше сознание как потребителей местной и органической еды? Расстояние между рукой, берущей продукт, и рукой, его вырастившей — не только физическое, но и знаниевое. Ни анализ со стороны производства, ни со стороны потребления недостаточен — центральным становится анализ отношений. Рынки — это третьи пространства, где умение производителя (кураторство изобилия) встречается с готовностью потребителя к вовлечённости.

Разные масштабы выявляют разные отношения: на уровне поля логика производителя фундаментально отличается от рыночной презентации. Визуальное документирование через Instagram было использовано сознательно — чтобы сдвинуть разговор от вопроса «что это?» к вопросам «откуда оно? знаешь ли ты, кто его вырастил? в каких условиях?». Цветные тенты указывают тип продукта, сезонное разнообразие отражает социальную функцию — рынок — не только место покупки, но и место обмена знанием. Отношение производитель-потребитель создаёт — или может создать — сеть доверия за пределами рыночной логики.

АРХИТЕКТУРА ПОЧВЫ

Архитектор, родившийся в Мардине, в семье, восходящей к тысячелетней суфийской традиции кадирийе, перешедший из медресе в формальную школу, выросший с сельскохозяйственным знанием деда и пейзажной охраной региона Султан Шемус (25 градусов против 40 в Мардине; редкая зелёная зона). В 1993 году, во время курдского конфликта, — принудительная миграция — семья переехала из сельской деревни в городской Кызылтепе. Свидетель того, как его друзья детства стали сезонными сельхозработниками.

Проект TÜBİTAK по ускорению ветряных турбин (лицей), два патента по контейнерному жилью, студенческий активизм, конкурсы по математике и шахматам — многосторонний ум. Сейчас в сотрудничестве со Стамбульским университетом Медиполь работает над докторатом по проектированию контейнерного жилья для сезонных сельхозработников в Сарыджакая (Эскишехир) — в микроклиматической зоне выращивания *Astragalus*. Магистерская диссертация — об архитектуре земли и устойчивом проектировании. Анализировать пространственную эволюцию рабочих поселений в 2002–2017 годах через Google Earth — 15-летнее изменение читается на спутниковых снимках. Архитектурное предложение саманного дома, вдохновлённое техникой пассивного охлаждения malqaf (ветряной башни) дома Харран — глинобитный кирпич, адобе, многослойные системы, использующие почву как первичный изоляционный материал.

Генеральный план: общее пространство для приготовления пищи, социальные пространства, интеграция пермакультуры — рабочие выращивают свою еду (томаты, баклажаны, перец). Достойное жильё, здоровая жизнь, способность к организации — это напрямую связано с архитектурными решениями.

«Местная архитектура — спонтанно сложившиеся поселения Мардина — несёт в себе экологическое знание. Не изобретать, а размножать; использовать почву как первичный изоляционный материал; проектировать многослойные системы.»

Архитектура не отделена от экологии. Проектирование жилья прямо влияет на достоинство, здоровье и организационную способность сельскохозяйственного работника. Сезонные работники живут в палатках, в бараках, в контейнерах — эти пространства проводят не только физические, но и социальные границы. Достойное жизненное пространство — предпосылка организации.

Переход от фундука к киви — преобразование, пережитое в Мардине — киви принёс новые сезоны сбора, новые рецепты, новые социальные практики, изменил ритмы жизни сообщества. Сложилась ли культура киви? За какое время складывается культура? Когда сельскохозяйственная политика устраняет продукт, она стирает и культуру, и системы знания, связанные с этим продуктом — семейная экономика сбора фундука, общинные ритуалы, сезонный порядок исчезают. Продукты — это не экономические единицы; это культурные векторы, носители знания, воплощённые формы социальных отношений.

Сельскохозяйственное знание деда в регионе Султан Шемус — знание, передаваемое поколениями, усвоенное через жизнь — оборвалось вместе с принудительной миграцией 1993 года. Этот обрыв не только географический, но и эпистемологический: знание, перемещённое со своей земли, сохнет, как семя, оторванное от почвы.

САД РИМА И СЕМЕНА

Материаловед-инженер, пять лет проработавшая в медиа, после Гези — особенно после изучения пермакультуры — пережившая «просветление». Оставить корпоративную работу и обратиться к городскому производству пищи и самодостаточности.

Сад Рима — общественный сад в Джахеннеми — отвоевание общественного пространства от попытки муниципалитета превратить его в коммерческое кафе, доказательство возможности городского земледелия. Юридическая борьба выиграна, но последующее расслабление показывает необходимость поддерживаемой вовлечённости. Мыловарение — превратить личное потребление в природное домашнее производство. Хранительство семян — размножение и распространение местных семян, недавно начатая практика. Организация продовольственного сообщества через объединение Yeryüzü.

Рамка пермакультуры: как удовлетворить наши потребности с минимальным вредом для природы и как превратить выходы во входы? Оторванность от производства не судьба горожанина — через знание материала, через прямое производство и сети обмена можно уменьшить зависимость от потребления. Варить мыло, хранить семена, разводить сад — это выглядит как малые действия, но каждое из них — точка разрыва с системой. Сад Рима, выигранный юридической борьбой, и последовавшее расслабление — напоминает о необходимости поддерживаемой вовлечённости. Выиграть мало, нужно сохранить выигранное.

«Еда очень важна. Наше местное производство невероятно упало. Что мы можем делать локально?»

Этот вопрос — вопрос, направляющий всю встречу.

ДЫХАНИЕ ПОЧВЫ

Это — девятая и последняя встреча программы Solunum birbuçuk. За более чем два года путь от воды к биоразнообразию, от метаболизма к границам, от климата к добыче, от гендера к энергии и к почве — завершён. Каждая встреча сводила людей разных дисциплин к одному столу — без иерархии, равное время, личное повествование, формальная безструктурность.

Встреча о почве — и итог, и экзамен этого пути. Семь презентаций — организатор продовольственного сообщества, сельхозактивист, социолог труда, основательница продовольственного кооператива, земельный художник, архитектор-исследователь, архитектор почвы — разными путями коснулись одной темы. И в свободной дискуссии эти голоса перемешались, дополнили друг друга, иногда столкнулись. Но проступающий основной консенсус ясен: почва — живая система, труд неотделим от экологии, отношения доверия — основа альтернативной экономики, системы знания стираются вместе с продуктами и практиками земли.

Деполитизация экологии — концерты «За природу», брендинг устойчивости — скрывает системные причины. Курить, обсуждая изменение климата — это уход от выстраивания личностно-политической связи. Дизайн и устойчивость широко обсуждаются в академии, но мало переводятся в практику. Наоборот, знание активистов и практиков редко доходит до академических контекстов. Трёхчасовых встреч недостаточно для поддерживаемой организации — нужны последующие воркшопы, малые рабочие группы, документирование.

Преобладающие напряжения: между срочностью и терпением — медленность построения отношений на фоне ускоряющегося климатического кризиса. Между системной критикой и постепенным изменением — как остаться мотивированным? Между раздробленностью знания между дисциплинами и потребностью в общей рамке. Масштаб: индивидуальных действий недостаточно, структурное изменение обязательно, но кажется невозможным.

Большая часть проектов работает в промежуточных масштабах: не глобальная политика, не индивидуальное потребление, а районные и региональные сети — рынки, сообщества, кооперативные мастерские. Перемена рождается из накопленных малых практик и местной организации — а не из применения сверху. Решимость Ахмета в 15-летней сельскохозяйственной организации, четырёхлетние усилия Раны с Садам Рима, многолетнее этнографическое погружение Дениз — эти временные масштабы требуют эмоциональной выносливости и материальной обеспеченности, которых большинству людей не хватает.

Но почва учит нас одному: когда первая капля дождя падает на сухую поверхность, микроорганизмы просыпаются. Для пробуждения условиям необязательно быть идеальными — достаточно одной капли. Движение — не единичное, а множественное, не прямое, а ризоматическое, не центрированное, а распределённое — совершается через много одновременных практик, на разных масштабах, в разных географиях. Программа Solunum стала этой самой практикой: она создала неожиданные преемственности и связи, люди из разных дисциплин научились задавать одни и те же вопросы на разных языках, участники осознали, что продолжают работать в перекрывающихся областях. От общественного сада до рынка производителей, от палатки сезонного рабочего до архитектуры земли, от мира микробов до продовольственного кооператива — всё это узлы одной сети.

Предложены документирование, публикация, будущие циклы воркшопов — общественные вечера, раки, беседа, приём. Письменные продукты — статья, эстетический объект, книга. Newsletter, актуальные работы участников. Эта встреча — не конец, а узел в продолжающейся сети.

Социально-экономический метаболизм — как мы, сообщества, организуем своё окружение, входы извне, переработку внутри, выходы наружу. Целостность знания — не оставаться внутри одной дисциплины,

смотреть на целое. Ризома — нецентрализованные, горизонтально размножающиеся, продолжающиеся при разрыве сети. Эти три понятия — ядро программы Solunum birbuçuk, и они в последний раз, но в самом конкретном виде испытаны на встрече о почве. Как почва: циклическая, живая, пробуждающаяся при первой капле, даже если выглядит сухой.